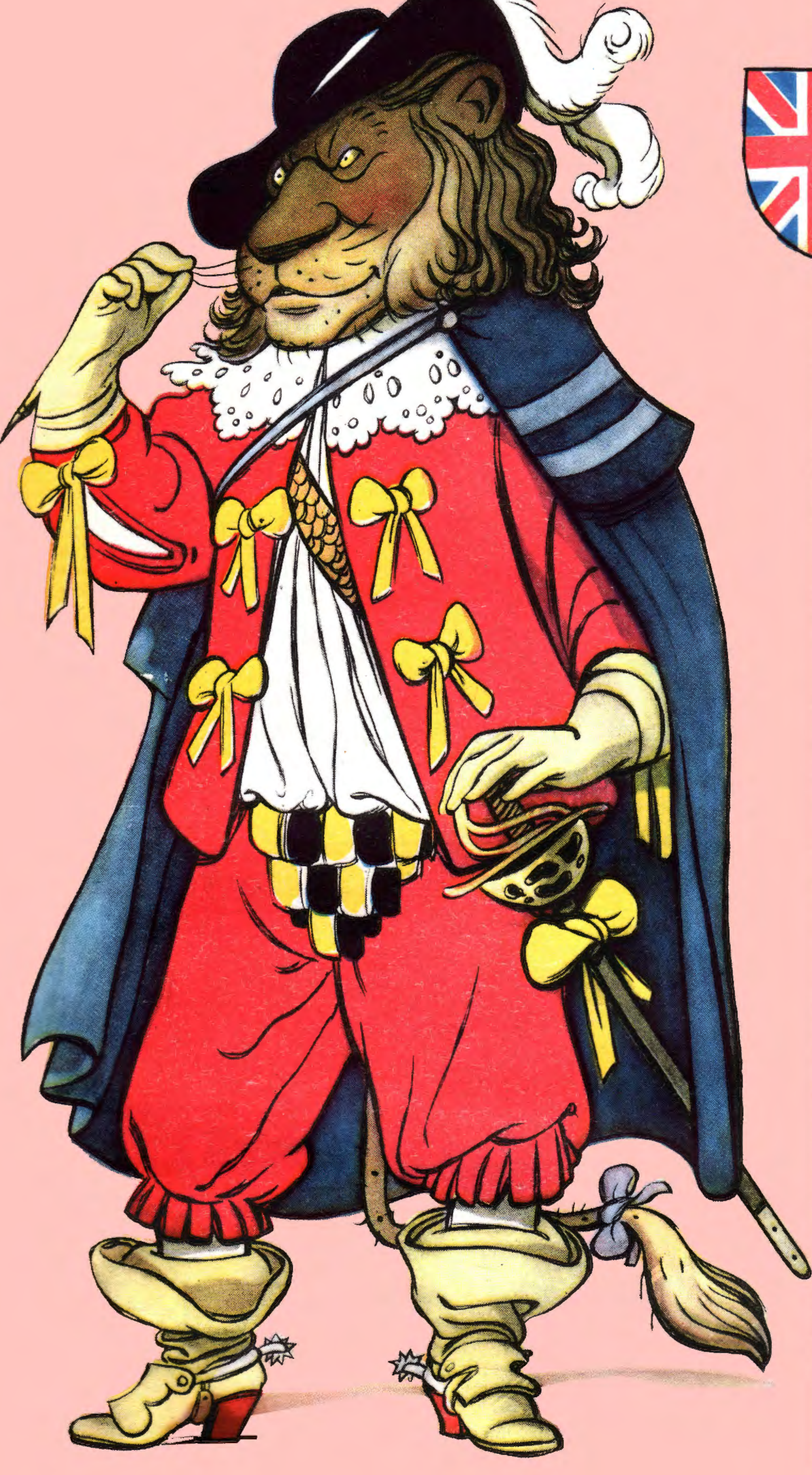
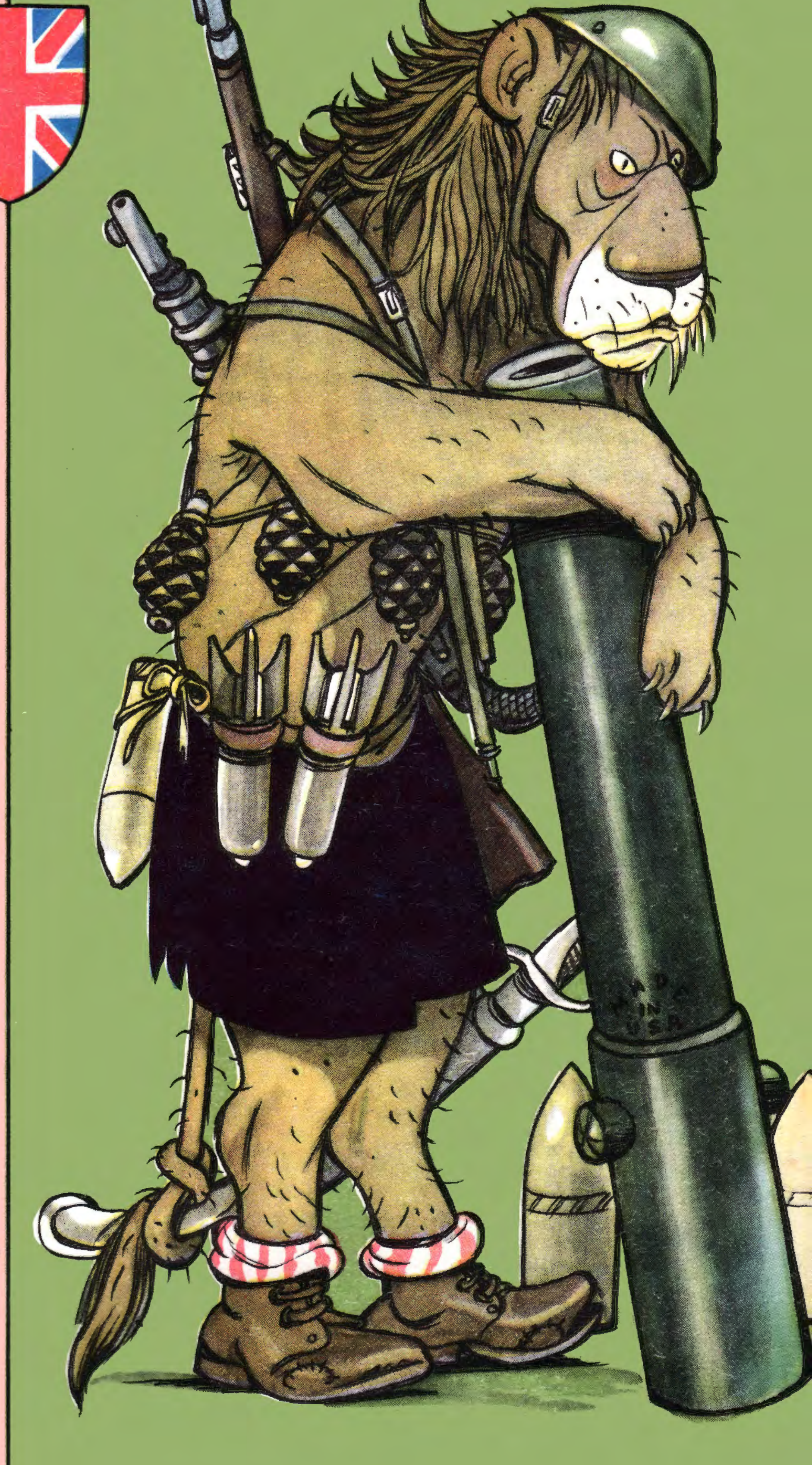
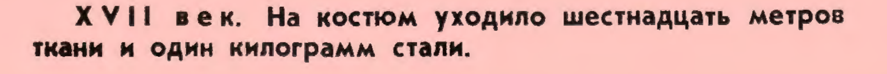
Рис. Ю. ГАНФА

XVII век. На костюм уходило шестнадцать метров ткани и один килограмм стали.

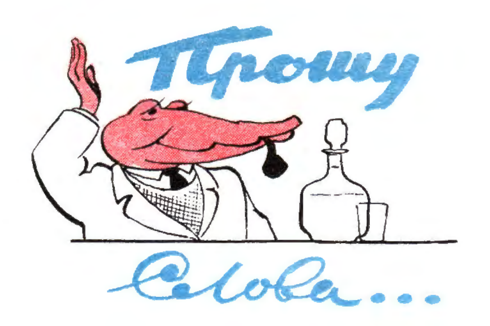
XX век. На костюм идёт один метр ткани и сотни килограммов стали.

КРОКОДИЛ

№ 14 (1304) МОСКВА 20 МАЯ 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXX

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

О ФАКТАХ И РЕКЛАМЕ

СТЕНОГРАММА НЕПРОИЗНЕСЕННОЙ ЛЕКЦИИ КРОКОДИЛА НА ЗАСЕДАНИИ ПРАВЛЕНИЯ КЗЫЛ-ОРДИНСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Крокодил. Прежде всего я должен сообщить достопочтенному правлению достопочтенного Общества, что моя лекция исходит не из научных и теоретических предпосылок, а из скромного, будничного письма о деятельности вашего Общества, которое я получил от группы учителей города Кзыл-Орды. Прочитал я это письмо, и в моей памяти воскрес... Кто бы вы думали?

Голос с места. Председатель нашего правления тов. Ермекбаев?

Крокодил. Не совсем так. Тов. Ермекбаева я вспомнил потом. А сначала в моей памяти возник один антрепренёр, разъезжавший в своё время по городам и весям Российской империи. Приезжает этот антрепренёр, допустим, в Пермь и расклеивает красочную рекламу, что, дескать, такого-то числа в местном театре состоится концерт Ф. И. Шаляпина. Затем садится в кассу и продаёт билеты. Распродав десяток — другой, он захлопывает окно кассы и вывешивает объявление: «Все билеты на концерт Ф. И. Шаляпина проданы». Остальные билеты его агенты продавали уже в пять раз дороже у подъезда театра. Когда наступал день концерта, у театра вывешивалось скромное объявление: «Ввиду болезни Ф. И. Шаляпина концерт не состоится. Билеты можно сдать в кассу». Хапнув таким образом изрядный куш, лжеантрепренёр Шаляпина ехал в другой город и проделывал то же самое.

Ермекбаев. Позвольте, какое отношение имеет антрепренёр Шаляпина к деятельности нашего правления?

Крокодил. Антрепренёр Шаляпина никакого отношения к вашей деятельности не имеет, а ваша деятельность, тов. Ермекбаев, с деятельностью антрепренёра имеет кое-какую связь.

Кзыл-ординские педагоги приложили к письму «Абонемент на право посещения лекций на педагогические темы». В нём значится тринадцать лекций. Стоит он пятнадцать рублей. И вот рассказывают учителя: «Купили мы этот абонемент и ждём лекций. Ждём неделю, вторую, месяц, полгода — нет лекций. Первая должна была состояться 17 октября 1951 года, а последняя — 23 апреля 1952 года. Ни первая, ни вторая, ни третья, ни последняя не состоялись. Ни лекций мы не прослушали, ни денег нам не вернули».

При внимательном рассмотрении абонемента мы не нашли в нём лекции о пережитках капитализма в сознании людей. И думаем, что правление ваше правильно поступило, не включив её в цикл педагогических тем. А то могло получиться очень непедагогично. Прочитал бы лектор эту лекцию, а к нему с вопросом:

— Скажите, а хамское, неуважительное отношение к гражданам считается пережитком прошлого в сознании председателя правления тов. Ермекбаева, который распространяет абонементы, но не распространяет знания?

Или вдруг такое спросят:

— А то, что ответственный секретарь правления Коссубаев присваивал себе гонорар, предназначенный внештатным лекторам,— пережиток или не пережиток прошлого?

Как видите, тов. Ермекбаев, некая связь между шарлатанством лжеантрепренёра и вашей деятельностью есть. Антрепренёр спекулировал именем великого артиста, а вы спекулируете именем науки и дискредитируете славное и хорошее Общество.

Позвольте в заключение сказать, что худая молва о вашем отделении Общества идёт очень давно. Разговаривают о вас в районах области, в Кзыл-Орде, в Алма-Ате, в Москве. Но, как говорит восточная пословица, от разговоров о халве во рту не будет сладко.

Я кончил, досточтимые. Гонорар за свою лекцию я не надеюсь получить, так как я, разумеется, лектор внештатный. Ну, а как было выше указано, гонорар внештатных лекторов... Словом, сами понимаете, почему я не надеюсь.

РЕКОРДСМЕН

В Фёдоровском районе (Ростовская область) за короткое время установлено свыше 2 500 радиоточек.

Рис. Л. ГЕНЧА

РЕПРОДУКТОР РЕКОРД

— Молодец, Вася! За смену установил десять «Рекордов»!

Рис. Л. БРОДАТЫ

— Сразу чувствуется чья-то заботливая рука!

СТАРАЯ ЗНАКОМАЯ

КОГДА работники Волжского грузопассажирского пароходства обращаются в свою больницу, они нередко вспоминают о богоданной супруге гоголевского Солопия Черевика — Хивре. Хоть и здорово она, сидя на возу, поносила встречных и поперечных, но ей далеко было до Екатерины Семёновны Владимировой. Не безусые парубки, а старые речные волки подчас ретируются перед разбушевавшейся дамой. Екатерина Семёновна не ограничивается одной только руганью, а ввязывается в дела, выходящие далеко за пределы её обязанностей.

Генерал-директор речного флота III ранга Владимиров — известный на Волге человек. Он командует районным управлением грузового пароходства. Его жена, Екатерина Семёновна,— врач больницы речников. Но Екатерине Семёновне кажется, что именно на её плечах блестят генеральские погоны. И ей очень хочется командовать.

Ни экипажи судов, ни бакенщики не подчинены Екатерине Семёновне. Её мощный командный голос раздаётся в больнице. Во всех палатах слышно:

— К пошивке платья для меня приготовься! Портнихе выдать бюллетень!..

Через некоторое время следует новая команда:

— Моё дежурство по субботам и воскресеньям отставить: муж в это время дома!

Команда принята к исполнению. Екатерина Семёновна освобождена от дежурств в указанные ею дни недели. Впредь до нового распоряжения:

— Ложимся на курс Горький — Астрахань. Дать мне немедленно внеочередной отпуск!

В больнице чуть-чуть замешкались с выполнением этого приказа. И Екатерина Семёновна призвала сослуживцев к порядку:

— Не отпустите, не будет дров для больницы!

В больнице прикинули и решили: дрова нужны. Отпустили...

В 1950 году бюро партийной организации больницы Водздравотдела отмечало: «В течение ряда лет врач Владимирова использовала положение жены начальника в личных интересах... требовала угодничества и преклонения... Главному врачу больницы тов. Храмову возбудить ходатайство об увольнении врача Владимировой из больницы».

В конце 1951 года партийное бюро снова записало в своём решении:

«Главному врачу разрядить нездоровую обстановку в хирургическом отделении, поставить вопрос перед начальником Водздравотдела о переводе врача Владимировой на работу в систему Горздравотдела».

Много думали о поведении Екатерины Семёновны в политотделе пароходства. Думали, думали и придумали:

— Лучший способ укрепить больницу — выдвинуть врача Владимирову на руководящую работу в другое место.

И такое место подыскали. Но почти немедленно в кабинете начальника раздался телефонный звонок. И послышался гневный возглас:

— Кто позволил вам так обращаться с генералом, прослужившим много лет на речном транспорте?!

При слове «генерал» начальник политотдела даже привстал. Но тут же усомнился: генерал почему-то говорил женским голосом.

Смекнув, в чём дело, начальник политотдела разъяснил своей собеседнице, что она многовато на себя берёт. И в ответ раздалось:

— Хорошо!.. Я ещё с вами поговорю!.. И сам генерал поговорит!..

И оба действительно поговорили. Вопреки решению политотдела, наперекор общественному мнению командная деятельность Екатерины Семёновны в больнице продолжается. Мало того, недавно оттуда раздался сигнал бедствия. Партийное собрание с сокрушением отметило, что в больнице процветает семейственность, что, глядя на начальника пароходства, устроили своих родичей в больнице начальник Водздравотдела Хрисанфов, инспектор Водздравотдела Троицкая и другие. Кое-кого из начальнических родственников попытались было уволить. Но в дело ввязалась врач Владимирова, и всё осталось попрежнему...

У Екатерины Семёновны диплом врача, её муж на большой работе, она живёт в середине двадцатого века. И всё же это наша старая знакомая — Хивря. Та самая Хивря, которая привыкла, сидя на возу, поносить встречных и поперечных, оглашать всю окрестность бранью и при всех обстоятельствах идти напролом!

А. ЕРОХИН

г. Горький.

Н. БАЖЕНОВ

Иллюстрации В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Дурная примета

В ЭТО утро Аркадий Степанович Мальцев собирался особенно тщательно. Он надел свежую, ещё горячую от утюга сорочку, подвязал новый галстук, обильно смочил одеколоном носовой платок... Потом обозрел себя в зеркале и с удовлетворением произнёс: «Гм».

— Куда ты так наряжаешься? — спросила его жена, сидящая за чайным столом.— Может быть, ты воображаешь, что у Кузнецова есть время любоваться твоим видом? Минут пять посидишь — и до свидания.

— Ну, положим, часа два Кузнецов меня продержит. Нашёл же он полчаса с тобой лясы точить. Сама рассказывала: увидел, вылез из машины и долго расспрашивал про жизнь, про детей... А у меня государственный вопрос.

— Что со мной он беседовал, не удивительно. Человеку приятно молодость вспомнить: он ведь у нас секретарём комсомольской ячейки был... А вот зачем ты к нему на беседу идёшь — непонятно!

— На то он и секретарь обкома, чтобы с людьми беседовать,— проворчал Аркадий Степанович.— Объяснял же я тебе: звонил он вчера и всё допытывался, как у меня обстоит дело с ростом людей. Просил вечером обязательно зайти. Кое-какой материальчик я ему подготовил.

И Мальцев самодовольно похлопал по пухлым бокам своего щегольского портфеля.

Антонина Фёдоровна недоверчиво покачала головой:

— Может, ты натворил что-нибудь, а от меня скрываешь? Недаром у меня какое-то предчувствие... И печь во сне нынче видела. А это всегда к печали.

Мальцев засмеялся:

— На твоём месте я бы старался видеть во сне одни батареи центрального отопления. Говорят, они к радости.

— Смейся, смейся...

— Чепуха, — раздражённо перебил Аркадий Степанович, — глупо и недостойно в наши дни верить в какие-то приметы! По существу, что такое сон? Это... гм-гм... Ну да! Не что иное, как торможение центральной нервной системы... На эту тему в нашем клубе интереснейшая лекция была.

— Я ведь не хожу на лекции, — грустно заметила Антонина Фёдоровна.

— И глупо делаешь. Потому-то голова твоя забита бабьими предрассудками.

Махнув рукой и бормоча что-то себе под нос, Мальцев начал сердито совать ноги в галоши.

На завод он всегда ходил пешком: любил подышать утренней свежестью и понаблюдать за городской сутолокой. Вот и сейчас, медленно шагая по бульвару, Аркадий Степанович жадно вдыхал терпкий, влажный воздух, щурясь от нестерпимого блеска бесчисленных лужиц.

Внимание его привлёк крошечный карапуз, закутанный по самый нос в яркокрасный башлык. Присев у ручейка, карапуз отправлял в плавание бумажный кораблик. Тот бойко запрыгал по миниатюрным волнам. Вспомнив о визите в обком, Мальцев загадал: дойдёт кораблик до конца сквера, — значит, всё обойдётся хорошо. Но тут, как нарочно, утлая бумажная посудинка наскочила на торчащую щепку, завертелась на месте, и вода начала заливать её. Мальцев невольно вздрогнул. А когда кораблик высвободился и снова помчался по течению, он, облегчённо вздохнув, засмеялся:

— И до чего живучи в нас эти самые предрассудки!

...В обком партии Аркадий Степанович явился за полчаса до намеченного срока, рассчитывая, что ему придётся подождать в приёмной. Но помощник Кузнецова тут же пригласил его в кабинет.

Хозяин кабинета поднялся навстречу гостю, усадил его в мягкое кресло и, прищурив свои чёрные глаза, в которых бегали лукавые искорки, спросил спокойным, чуть глуховатым голосом:

— Значит, товарищ Мальцев, у вас с ростом людей всё обстоит хорошо? Так, так... А у меня есть сведения, что плохо.

— Как плохо?! — негодующе вскричал Аркадий Степанович и начал лихорадочно вытаскивать из портфеля одну бумагу за другой.— Вот, пожалуйста, полные данные о политкружках и вечерних школах... Вот тематика лекций, которые прочитаны за последний месяц в клубе и общежитиях. А это подробный отчёт о деятельности нашего музыкального лектория. Плохо! Да у нас на заводе редкий человек не учится! Скажу про себя: в прошлом году вечерний университет закончил, в нынешнем же насчёт общей культуры подналёг. Раньше, признаться, я симфонию с сюитой путал, а сейчас свободно разбираюсь и в музыке и в живописи.

Кузнецов, который во время этой горячей тирады внимательно рассматривал пресс-папье, вдруг вскинул на собеседника смеющиеся глаза.

— А жена? — спросил он.

— Чего жена? — не понял Мальцев.

— Не отстаёт она от вас? Хоть бы в смысле умения отличать сюиту от симфонии?

Аркадий Степанович растерянно заморгал:

— Извините, не понимаю. Какое отношение имеет моя жена к обсуждаемому вопросу?

— Самое прямое. Хотелось бы знать: входит ли подруга вашей жизни в число лиц, на которых распространяются ваши заботы о росте?

— Ах вот что... Видите ли, жене трудно угнаться за мной...

— Почему?

— Семья у неё на плечах. Сами понимаете, домашняя хозяйка. Ну и, чего греха таить, погрязла в своих кухонных делах. Представьте, даже в приметы начала верить. Вот сегодня узнала, что я к вам приглашён, так всяких бед мне напророчила: печь она во сне видела, а это, мол, примета нехорошая.

И Аркадий Степанович, отвернувшись из деликатности в сторону, весь затрясся от неудержимого беззвучного хохота.

Насмеявшись вдоволь и вытерев платком выступившие слёзы, он повернулся к Кузнецову. Тот сидел, сдвинув брови, постукивая по столу костяшками пальцев.

— А ведь это и вправду очень скверная примета, — серьёзно сказал он.

Мальцев удивлённо и даже с некоторым испугом воззрился на секретаря обкома.

— Вашу Тоню я хорошо помню, — задумчиво продолжал Кузнецов, — боевая дивчина была. Какие она на диспутах горячие речи, бывало, произносила! А теперь — пожалуйте: обывательницей стала. При просвещённом-то муже!

Аркадий Степанович молчал, потупив голову.

— Исправлять вам свою ошибку надо, товарищ Мальцев. Не мешкая, исправлять.

Кузнецов встал из-за стола, прошёлся несколько раз по кабинету, потом снова подошёл к столу, придвинул к себе большой настольный блокнот и что-то записал. Аркадий Степанович, скосив глаза, успел прочитать одно только слово: «печка». Он засуетился, запихал в портфель бумаги и, наскоро простившись, выскочил в приёмную. На лбу его блестели капельки пота.

Домой Мальцев вернулся поздно. Подходя к своему подъезду, он рассеянно взглянул вверх. Во всех квартирах было темно. Только его окна ярко светились розовыми квадратами.

Дверь открыла сама Антонина Фёдоровна и тут же, в передней, закидала его тревожными вопросами:

— Ну, как обошлось? Всё благополучно?

Скинув пальто, Аркадий Степанович прошёл в комнату и опустился на диван. Антонина Фёдоровна с беспокойством следила за ним.

— Где там благополучно,— сказал он, вздыхая,— влетело мне здорово... А больше всего — за печку.

— В общежитиях печки дымят?

— Да нет, за твою печку.

— Ничего не понимаю!

— Вот бестолковая!.. За ту, которую ты во сне видела. За печальную печку.

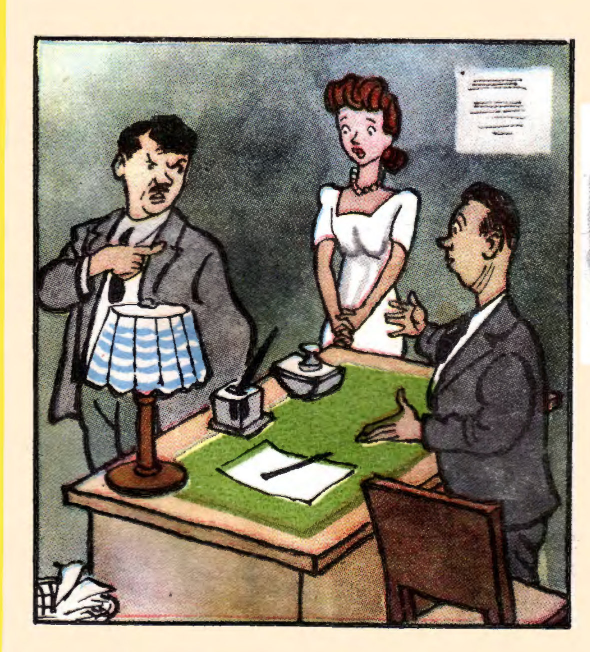
— Ага, ты, значит, веришь в приметы?

— Смотря в какие, — загадочно протянул Аркадий Степанович,— попробуй-ка в эту не поверь, когда она у товарища Кузнецова в блокноте записана.

ОТДЕЛ КАДРОВ КРОКОДИЛА

Рис. И. СЕМЕНОВА

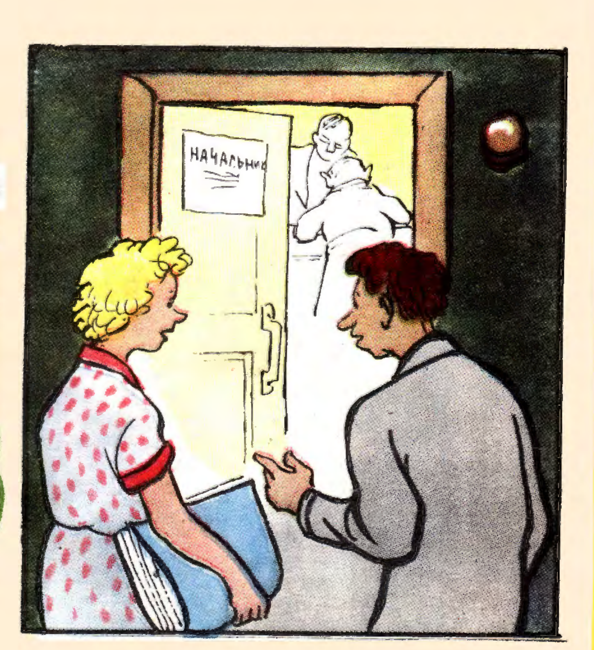
— Ну, теперь надолго проезд закрыт! Управляющий переходит на другую работу!

— Вы опять принимаете на работу по знакомству!
— Какое же это знакомство: только два раза на стадионе виделись!

— А кто здесь кадрами ведает?
— Жена директора. Только по её желанию директор принимает на работу и увольняет!

— Новый начальник всё ещё дела принимает!
— Нет, вчера уже принял, а сегодня сдаёт!

РЕЗЕРВЫ ГЕНЕРАЛА КЛАРКА

«ПРИХОДИЛОСЬ ли вам слышать историю о пехотинце, который из-за жары и усталости выбросил почти всё своё снаряжение и пришёл на линию фронта только с одной ложкой? Ну что ж, военное министерство заявляет, что эта история имеет счастливый конец. В Корее команды по сбору оружия и имущества следуют по пятам за пехотинцами до самой линии фронта, подбирая вооружение, как только те его бросают».

Так комментирует агентство Ассошиэйтед пресс заявление начальника штаба американской армии генерала Коллинса. Не был ли генерал в тот день излишне щедр на откровения? Отнюдь нет. Он не проговорился и не оговорился. Он даже похвастался, что «система розысков брошенного оружия оправдывает себя». Правда, генерал не предложил создать новые команды, которые подбирали бы оружие, брошенное, в свою очередь, командами, следующими «по пятам за пехотинцами».

Вашингтонские газеты сообщают о другой системе — «системе розысков дезертиров». Но она, видимо, не вполне себя оправдывает: то же агентство Ассошиэйтед пресс грустно замечает, что «военное министерство намеревается израсходовать в будущем году на выявление дезертиров больше, чем на награждение солдат медалями». Уже действуют отряды для поимки дезертиров. Отряды по сбору брошенных медалей ещё не сформированы.

Девятнадцатилетний Майкл Кунак, рядовой американской армии, прослышал о скорой отправке на корейский фронт. Немедленно он выкрал сапоги у сослуживца, оставив на месте преступления свою фуражку. Он мечтал, что его «опознают и с позором разжалуют за кражу». Жестокое заблуждение! Начальство обласкало подающего надежды юношу и даже чуть было не повысило его в чине. Напуганный таким оборотом дела, Майкл решил принять крайние меры. В присутствии свидетелей он застрелил младшего лейтенанта Вильямсона, а на заискивающие вопросы корреспондента Юнайтед пресс жизнерадостно ответил:

— Я убил человека для того, чтобы уйти из армии, и я убил бы всякого, кто помешал бы мне сделать это! Пишите: это было обдуманное и преднамеренное убийство.

Вряд ли, однако, такой способ избавления от фронта можно считать надёжным. Американским генералам в Корее требуются именно убийцы, больше убийц; поэтому, надо думать, Майкл напрасно старался. Не видать ему тюрьмы, как своих ушей!

Разумнее поступают лётчики. Некоторые просто отказываются лететь в Корею. Бастуют, так сказать, без отрыва от взлётной дорожки.

«Действия лётчиков могут оказать опасное влияние на общее моральное состояние вооружённых сил»,— надрывается американское радио.

«В чём дело? — растерянно вопрошает нью-йоркская газета «Дейли ньюс» и, не найдя объяснения, глуповато отвечает: — Это,— безусловно, серьёзное дело».

Надо полагать! Пилоты, стрелки, радисты, штурманы в групповом и индивидуальном порядке заявляют: «Воевать в Корее — это самоубийство», «Мы не видим в этом никакого смысла». За мёртвых говорят живые. Вдова капитана военно-воздушных сил США Мэрвина Тэбора, убитого в Корее, заверила военные власти, что, если бы её муж был жив, он сделал бы то же самое.

Как представлял себе войну в Корее завербованный американец? Коммерческим предприятием, статьёй дохода, жирным бизнесом. Чем она стала для него в действительности? Кладбищем, проклятьем, мясорубкой. В нынешней Америке установлен, по гастрономическому выражению сенатора Дугласа, «прейскурант на боевой дух». Доткровенничались! Пехотинцев приравнивают к сосискам, лётчиков — к бифштексам. Но простые американцы не хотят быть ни сосисками, ни бифштексами, ни отбивными. Зато они хотят остаться в живых.

В американской армии существует «дополнительная оплата за риск». Тот, кто хотел заработать, должен был рисковать. По «прейскуранту на боевой дух» он узнавал, что двести долларов лучше, чем тридцать долларов, и что риск — благородное дело. Теперь он убеждается, что риск в Корее — дело неблагородное и неблагодарное. Он начинает понимать, что два года в тюрьме лучше, чем два часа в Корее.

А. ВИХРЕВ

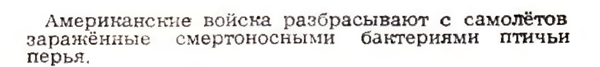
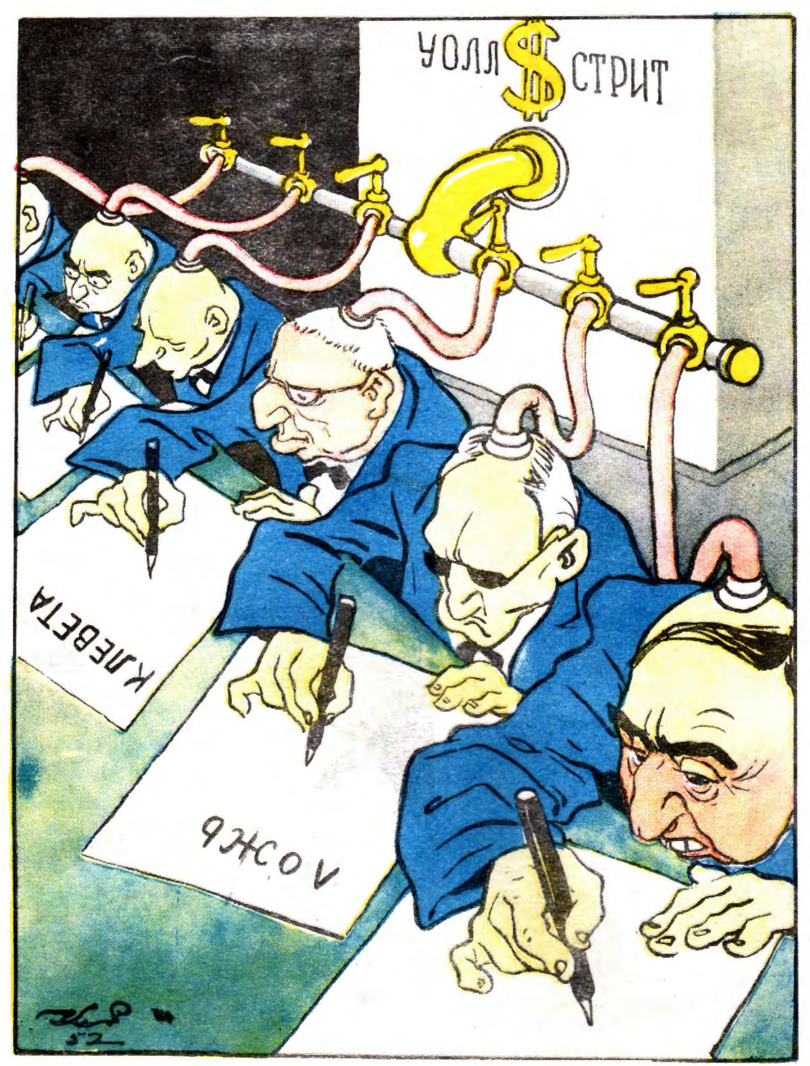
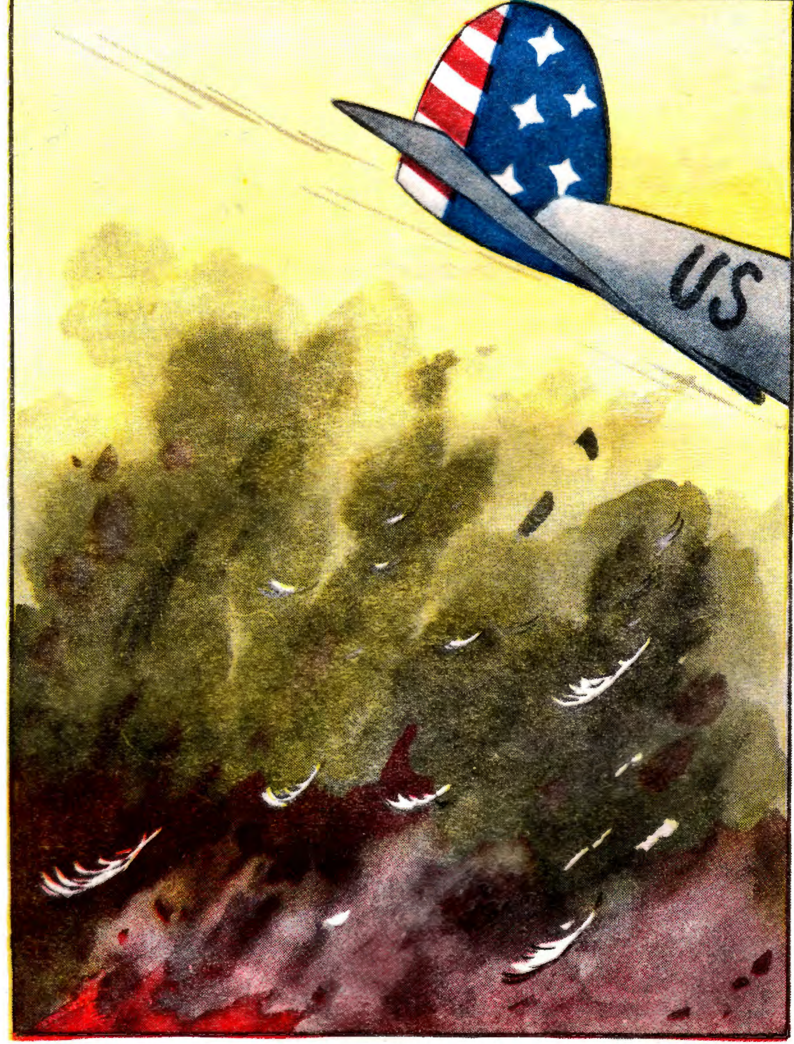

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА.

Американские войска разбрасывают с самолётов заражённые смертоносными бактериями птичьи перья.

Отравленные перья.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Лев НИКУЛИН

Грязный юбилей

Юбилеи, как правило,— приятное событие. Радостно отпраздновать историческую дату, связанную с рождением великого человека, или с замечательным открытием — благодеянием для человечества,— или же с победой народа над угнетателями. В ближайшие дни исполняется юбилей несколько иного характера — пятидесятилетие со дня окончания англо-бурской войны.

— Фу ты, чёрт! — скажет старожил.— А ведь и правда, была такая война, затеянная неким миллионером-колонизатором Сесилем Родсом и министром колоний Джозефом Чемберленом! Англичанам потребовались алмазные прииски и золотые россыпи двух южноафриканских республик — Трансвааля и Оранжевой,— принадлежавшие голландским и французским переселенцам.

А другой старожил добавит:

— Как же, помню! Тогда на всех площадях и улицах пели:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...

Потом старожилы расскажут, как мальчуганы на окраинах Москвы играли в англичан и буров и как никто не хотел быть англичанином, а хотел быть храбрым и мужественным буром. Вспомнят, как мальчики, забрав с собой полфунта чайной колбасы, булку и перочинный нож, тайком отправлялись на помощь доблестным бурам в Южную Африку, как их ловили в Кунцеве и благополучно доставляли родителям. Вспомнят и о том, как на заводах, на дымных окраинах, на пристанях рабочий люд радовался неудачам британских хищников и победам буров...

11 октября 1899 года британское правительство начало эту грязную войну. Она длилась 31 месяц и кончилась 31 мая 1902 года. Огромная колониальная империя с первым в мире, по тем временам, флотом и превосходно вооружённой армией обрушилась на две маленькие южноафриканские республики с полумиллионным населением, почти три года воевала с ними, наконец одолела их и присоединила к Британской империи.

Обратимся к русским журналам того времени, перелистаем пожелтевшие страницы московского «художественно-литературного и юмористического журнала «Искры» за 1901 год.

В номере от 6 мая 1901 года находим презабавную статистическую таблицу:

«Некий русский досужий статистик утверждает, что англо-трансваальская война — миф и что давным-давно на свете нет ни одного бура.

Два года кряду этот господин терпеливо подсчитывал по английским телеграммам убитых, раненых и пленённых буров, и вот полный его счёт:

Убито буров	**3 406 200 человек**
Взято в плен . . .	**862 000**
Ранено	**1 375 035.**

Как видите, выбыло из строя свыше пяти с половиной миллионов буров.

Война же продолжается.

Спрашивается: с кем воюют англичане, если известно, что до начала войны всех буров было никак не больше полумиллиона?

Очевидно, с призраками».

Заодно юмористический журнал советует британскому главнокомандующему лорду Китченеру подать петицию об организации «Общества защиты английской армии от буров».

Не без язвительности сообщается о проекте разделения британской армии на шесть корпусов с шестью генеральными штабами:

«Это вызвано тем обстоятельством, что при старой организации буры колошматили англичан преисправно... Будет ли разбита армия на шесть корпусов или шестьдесят шесть,— важно, чтобы эту армию не разбивали противники».

В номере от 17 июня 1901 года журнал, ссылаясь на английские источники, пишет:

«В «Вестминстерской газете» доказывается, как дважды два четыре, что Англию проглотит Америка».

Полвека назад эта шутка насчёт Америки, слопавшей Англию, как мы сейчас видим, была пророческой. Ныне Америка медленно, но верно лопает Великобританию со всеми её колониями. Причём без войны и особых затрат. С помощью доллара и на основе договорённости с консерваторами и лейбористами.

Но, пожалуй, самое язвительное, что было опубликовано полвека назад в «Искрах», так это

«ПОДАЛИННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ КИТЧЕНЕРА И ЧЕМБЕРЛЕНА»:

«Претория, главнокомандующему Китченеру. Биржа хуже и хуже. Наши бумаги опять упали. Необходима победа. Телеграфируйте успокоительное. Чемберлен.

Лондон, лорду Чемберлену. Успокоительное телеграфирую. Кавалерия Френча, преследуя неприятеля, наткнулась на буров, но стремительно отступила, бросив весь обоз, так что потерь не было. Распубликовывайте немедленно победу: «После бомбардировки и блестящей атаки кавалерии Френча лагерь буров сдался. Наша добыча 33 372 патрона, 432 ружья, 221 лошадь. У нас потерь нет». Китченер.

Претория, генералу Китченеру. Распубликовал, да никакого толка — не верят. Принимайте же, наконец, энергичные меры. Чемберлен.

Лондон, лорду Чемберлену. Принял меры. Издал прокламацию. Приказал всем бурам немедленно сдаваться. Китченер.

Претория, генералу Китченеру. Превосходно! Давно бы так. Телеграфируйте скорее, подействовала ли прокламация. Извините, генерал, но вы совсем завяли там, в вашей Претории. Возьмите пример с Робертса. Распоряжайтесь смелее, ведь республики завоёваны. Чемберлен.

Лондон, лорду Чемберлену. Чёрта с два завоёваны! Ваш Робертс объявил, что завоевал республики, да и уехал, а меня тут после него полтора года побеждённые поджаривают! Я тоже объявлю, что покорил всех буров окончательно, и уеду. Китченер».

Так высмеивал русский дореволюционный журнал английских империалистических хищников. Возмущение русской читающей публики английской политикой колониального грабежа было так велико, что журналы и газеты зло острили над Джоном Булем и его неудачами в Южной Африке.

31 мая 1902 года, полвека назад, был наконец подписан мир. Буры вынуждены были отказаться от независимости, признать себя подданными Британской империи.

Говорят, что не принято напоминать о таких датах юбилярам, что это нетактично. Виновники подобных событий обычно застенчиво уклоняются от торжеств, не пускают фейерверки, не выступают с хвастливыми речами. Но мы, тем не менее, хотим освежить в их памяти эту позорную дату. Ещё живы традиции грязных колониальных войн. Корея и Малайя, Вьетнам и Индонезия... Ценой громадных усилий всей Британской империи была куплена трансваальская победа. Этот сомнительный военный успех был несомненным политическим провалом, и притом не только английских колонизаторов, но и колонизаторства вообще.

Живы ещё некоторые ветераны, «герои» тех лет. Так что нам остаётся только поздравить прошлых и настоящих китченеров:

— С юбилеем вас, леди и джентльмены!

ГОРЕ-БОГАТЫРЬ

Ухватил было обеими руками обе республики, да сам и попался.

(Карикатура воспроизведена из журнала «Искры» № 6 за 1901 год.)

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

— Семён Данилыч, как доклад?
Вам только день остался...
— Доклад?
Ей богу, сам не рад:
В приёмной у меня сидят,
С приёмом я, как говорят,
Зашился, замотался!

— Семён Данилыч, как приём?
Народ у вас скопился...
— Приём?
Тут писем целый том,
Тут не управишься вдвоём;
Я с этим жалобным письмом
Зашился, закрутился!

— Семён Данилыч, с почтой как?
Ответы шлёте на дом?
— Куда там!..
Запоролся так,
Не двинул дело ни на шаг...
Ну, завертелся, как ишак,
Запарился с докладом!

— Семён Дани...
— Да не тяни!
Ну да, я не учился!
Но ты на дни мои взгляни:
Мотался, шился я все дни,
Был вентилятору сродни —
Вертелся и крутился!

Как карусель остановить?
Давно нужда назрела
Семён Данилыча «расшить»,
Потом «распарить», может быть,
«Подразмотать», «подраскрутить»
И посадить за дело!

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

Начальник главка «Стройматериалы» А. П. Бондаренко включил себя в соавторы изобретения инженеров Первомайского завода (Донбасс), не имея к этому изобретению никакого отношения.

ИЗОБРЕТЕНИЕ

«СОАВТОРЫ»: — Растение не принесёт вам плодов, если мы не слизнём с него мёд!

ПОД ОСОБЫМ КОНТРОЛЕМ

НЕДАВНО на одном из молодёжных вечеров в Чебоксарах к поэтессе Валентине Чаплиной подошёл высокий, широкоплечий студент.

— Здравствуйте, товарищ Чаплина! — приветствовал юноша поэтессу. — Вы меня, наверное, не узнаёте, а я помню вас. Года четыре назад вы читали свои стихи у нас в школе. Я ещё школьником был. Кстати, вы тогда говорили, что читаете стихи из своего сборника, подготовленного к печати. Я очень хотел купить этот сборник, но, к сожалению, нигде не нашёл...

Найти этот сборник действительно невозможно.

В январе 1949 года В. Чаплина сдала в Чувашское государственное издательство рукопись своей первой книги. Стихи были одобрены. Художник подготовил иллюстрации. Редактор подписал книгу к изданию. Рукопись была направлена в Чебоксарскую типографию № 1 и...

Сначала книжку набрали слишком мелким шрифтом. Пришлось набирать заново. Перебрали. Сверстали. Но тут выяснилось, что иллюстрации оттиснули «вслепую» — где придётся. Рассказывается, скажем, о капризной девочке, а нарисован бравый пионер; где говорится о козе Майке, даётся изображение спящего в постели мальчика...

Исправили и эту ошибку. Теперь выпуск сборника задержал литографский цех, который должен был обеспечить книжку цветными рисунками. Прошёл месяц, второй, пятый... Прошло полтора года. Потерявшая терпенье поэтесса обратилась к директору типографии № 1 тов. Ковалевскому.

— Что? Сборник «Дети»? — пожал плечами директор. — Не припомню что-то... не припомню... Ну, никак не припомню...

Долго длились поиски. Они были безуспешными. В типографии нашли только забракованную обложку сборника.

Рукопись вторично была сдана в набор, и... вновь началась волокита. Тянули вплоть до 22 июля минувшего года, когда в республиканской газете "Красная Чувашия" появился, наконец, фельетон «Маленькие дети и халатные руководители большого дела».

Но и после этого книжка не вышла. Правда, издатели очень быстро дали ответ на фельетон. И было даже созвано техническое совещание в типографии № 1, на котором присутствовали начальник Чувашполиграфиздата тов. Трофимов и работники Чувашгиза. В протоколе записали, что «в деле выпуска книги тов. Чаплиной допущена непозволительная задержка». Было решено обеспечить выпуск книги тов. Чаплиной не позднее чем к 1 сентября 1951 года.

Но... опять ничего не изменилось.

...Время от времени Валентина Чаплина заходит к начальнику Чувашполиграфиздата тов. Трофимову.

— «Дети»? — радушно говорит он, не дослушав Чаплину. — Как же, как же, «Дети» уже взяты под особый контроль!..

Так и по сей день лежит эта книжка под «особым контролем».

Ал. МОРСКОВ

г. Чебоксары.

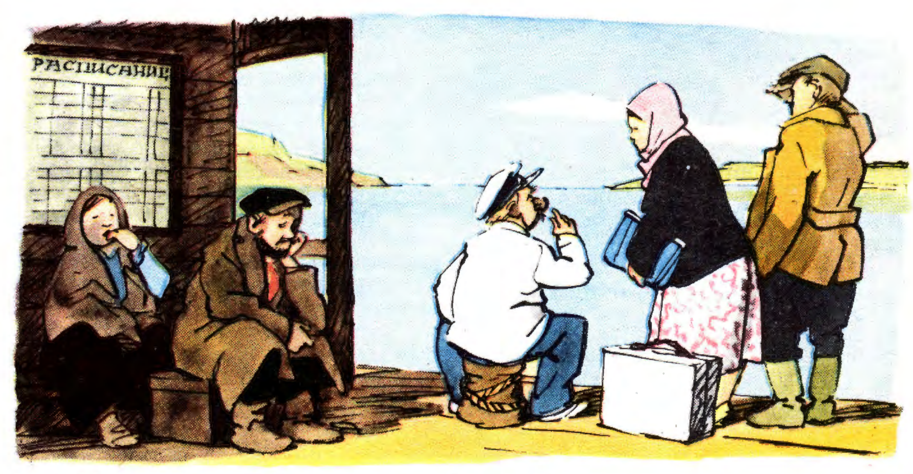

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

На воде и на суше...

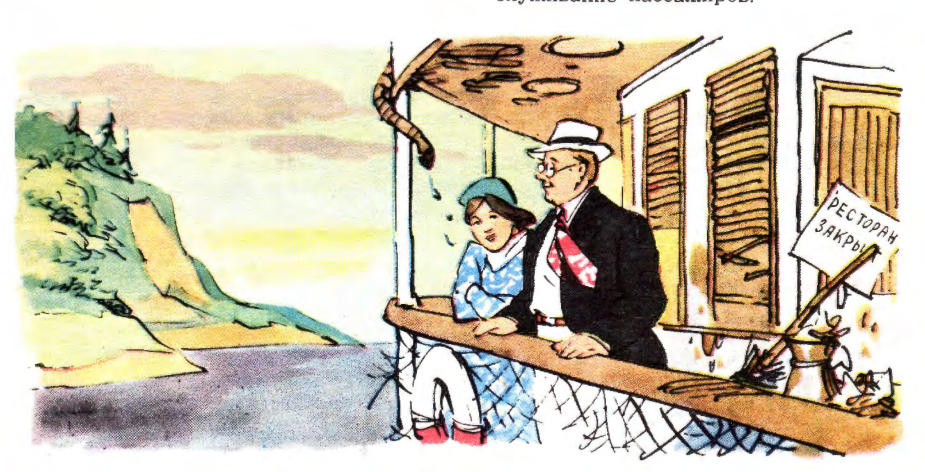
Рис. Ю. УЗБЯКОВА

На Верхнем Днепре в первые же рейсы пароходы «Вожатый» и «Пролетарий» пришли с опозданием.

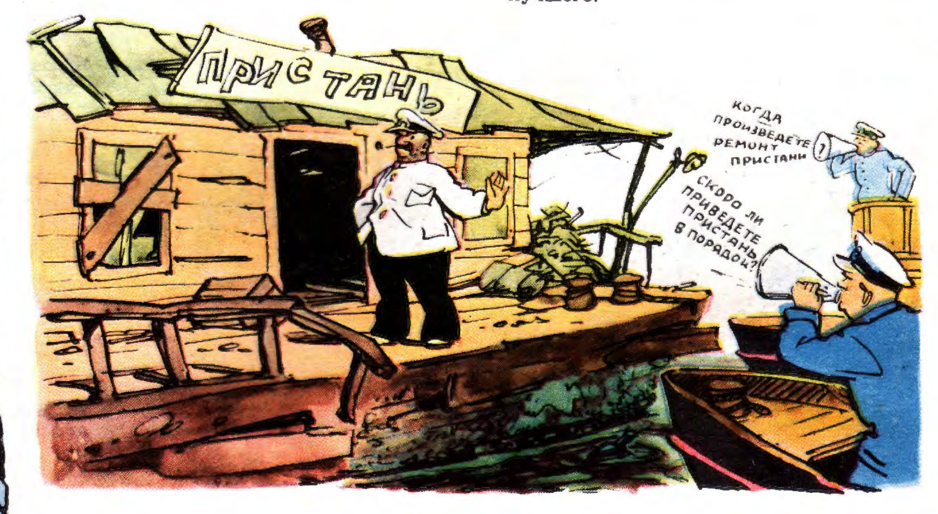
— Можно узнать, когда придёт пароход!
— Можно! Для этого нужно всё время смотреть на горизонт!

На некоторых судах речного флота неудовлетворительно поставлено обслуживание пассажиров.

— Ах, как хорошо!
— Вы о чём!
— Конечно, не об обслуживании пассажиров!

Качество ремонта пристанского хозяйства в Тюмени (Нижне-Иртышское пароходство) оставляет желать много лучшего.

— Не приставайте!..

Адам из Старой крепости

Ещё на вокзальной площади пассажиров оглушают позывные шофёров:

— Кому на лечение к Адаму, пожалуйте!

Приезжие с любопытством расспрашивают:

— Новый целебный источник открыли?

— Лучше всякого источника! — объясняют сведущие люди. — Адам от всех болезней лечит...

Кто он, этот всемогущий исцелитель? Сорокалетний житель селения Старая крепость, Баксанского района, Кабардинской АССР, Адам Добагов, не искушённый ни в русской, ни в кабардинской грамоте.

— Как же он отваживается врачевать? — спрашивают приезжие. — Откуда у него всеобъемлющие медицинские познания?

— Я был очень болен, — рассказывает сам Добагов. — Проспал двенадцать дней и двенадцать ночей... Во сне мне явился аллах и научил лечить.

По базарам и вагонам курортных поездов поползли слухи о новоявленном целителе. В Старую крепость стали стекаться больные. Предприимчивые шофёры быстро установили на вокзалах специальные маршруты «Нальчик — Адам», «Пятигорск — Адам».

Бесчисленные родичи и кунаки Адама сколотили в Старой крепости мощный «комбинат медицинско-бытового обслуживания», где каждому нашлась работа. Одни взялись прославлять Адама, другие — записывать больных к нему на приём.

Визит у чудотворца длится меньше минуты. Он бросает небрежный взгляд на пациента или на его фотокарточку — и диагноз готов. Приняв положенный гонорар, Адам назначает, когда придти за лекарством, и через несколько дней пациент за особую плату получает бутыль с лекарством — мутную жидкость, которую Адам черпает грязными вёдрами из грязного арыка. Освящённая и заговорённая Адамом вода, по свидетельству его приближённых, убивает рак, расправляется с менингитом, уничтожает туберкулёз, излечивает от заикания и запоя. Но особенно верно действует это снадобье от сглаза и порчи.

К бутыли, как правило, приложена бумажка с каракулями, выведенными цветным карандашом. Пациент должен смочить бумажку мутной жидкостью и в зависимости от характера недуга либо слизать каракули либо приложить их к больному месту.

Доверчивые больные пили вонючую жидкость, отплёвывались и, не получив облегчения, начали проклинать чудотворца и требовать суда над ним. В прокуратуре решили подыскать подходящую статью уголовного кодекса. Искали долго и наконец нашли. Адама судили.

Листаешь пухлое дело и невольно начинаешь верить в способность Адама творить чудеса. Много лет невежда водил за нос не только своих пациентов, но и здоровых с виду работников прокуратуры, суда, министерства здравоохранения республики!

Впервые Добагова судили минувшей осенью. Суд сурово «покарал» его и оштрафовал на пятьсот рублей. Но адвокат Биксон счёл штраф несправедливым. Он потребовал отменить «жестокий» приговор и вообще прекратить дело на том основании, что в течение пятнадцати лет местные власти и прокуратура знали о врачебной деятельности Добагова и не чинили никаких препятствий. «Действия Добагова, — утверждал Биксон, — не были общественно опасными. Наоборот, они были общественно полезными».

Столь веские доводы адвоката побудили судебную коллегию Верховного суда Кабардинской республики прекратить дело Добагова. Члены коллегии Алиев, Молоков и Чепурной признали, что обвиняемый, «действительно, лечит больных».

Вмешался Верховный суд РСФСР. В апреле этого года целителя-чудотворца судили вторично. Судили в республиканском центре — в Нальчике. Судья Катанчиев отказал прокурору Безрукову в вызове двух врачей — свидетелей обвинения. И прокурор смирился, он пощадил силы суда, которому предстояло выслушать двадцать шесть свидетелей защиты.

Тогда адвокат Биксон потребовал приобщить к делу письма, приветствующие Адама и протестующие против суда над ним. Хотя все приветствия и протесты были писаны одной рукой, суд удовлетворил и это необычное требование.

Адвокат остался верен себе до конца. В речи, покрытой аплодисментами адамовых сородичей и кликуш, он превознёс своего подзащитного как верного последователя... академика Павлова.

Такой же овацией был встречен приговор. Суд отверг обвинение в шарлатанстве, а за незаконное врачевание Добагов был приговорён... к шести месяцам принудительных работ.

Воздав хвалу милосердию судьи, родичи от радости на руках вынесли Адама к легковой машине. Тридцать такси и один автобус торжественным кортежем сопровождали «осуждённого» до Старой крепости, где, разумеется, был устроен шумный пир.

И опять, внимая дружному общественному возмущению, Верховный суд Кабарды отменил приговор судьи Катанчиева.

Но среди протестующих голосов почему-то не слышен был голос министра здравоохранения Кабардинской республики Отарова, на глазах которого развернулась деятельность Адама. А министр мог бы, хотя бы по своему служебному положению, не только протестовать, но и представить суду важные документы. Министру нетрудно было бы собрать в больницах и поликлиниках справки о том, как Адам запрещал своим пациентам обращаться к советским врачам, как он строго-настрого наказывал больным не ходить на рентген, дабы не прогневить аллаха.

Министру нетрудно было исследовать состояние здоровья бывших пациентов Адама и извлечь из архивов своего же министерства акты врачей о вреде, причинённом Адамом.

Однако министр решил себя не затруднять. А знахарю Адаму оставалось лишь возблагодарить министра здравоохранения.

...По асфальтированному шоссе, набирая скорость, машина мчится к Адаму Добагову. Машина мчится вперёд, а мы едем на этой машине назад — в затхлый мир невежества, суеверий и знахарства, назад — к ветхозаветному Адаму.

Узнав, что приговор народного суда отменён, Адам занемог. Он никого не принимает. Двоюродный брат Адама завхоз местной школы Рамазан зорко охраняет покой целителя. Он гонит прибывшего из Махачкалы старика от высоких железных ворот с грозной табличкой «Во дворе злая собака». Но старик не уходит, он понимает, что страж набивает себе цену: вечером, когда не будет посторонних, он снабдит страждущего целебной бутылью.

Мы сообщаем Рамазану, что приехали издалека и у нас неотложное дело к Адаму. Рамазан скрывается в доме. Ему на смену выходит другой телохранитель, мрачный, молчаливый. Он поворачивает в воротах рычаг и тщательно проверяет засовы.

Наконец появляется Рамазан и приглашает нас в дом. Диван, зеркальный шкаф, никелированная кровать — всё говорит о достатке. На столе — лекарства, выписанные по рецептам районного врача из местной аптеки. На кровати лежит Адам, укутанный тремя ватными одеялами и шерстяным платком.

Несколько минут он не подаёт признаков жизни. Потом из-под одеяла выглядывает жирная небритая физиономия.

— Говорите вы. Я буду слушать.

Мы удивляемся, почему он не может сам себя исцелить, а прибегает к услугам советского врача. Адам скороговоркой оправдывается. Дело, видите ли, в том, что он излечивает преимущественно от порчи и сглаза. А его болезнь совсем иного порядка.

Пока мы беседуем с Адамом, у калитки дома собрались ещё жаждущие исцеления. Кроме старика из Махачкалы, на приём к Адаму хотят попасть пожилая женщина с кошёлкой, молодуха с ребёнком на руках. Кое-кто дожидается у соседнего дома.

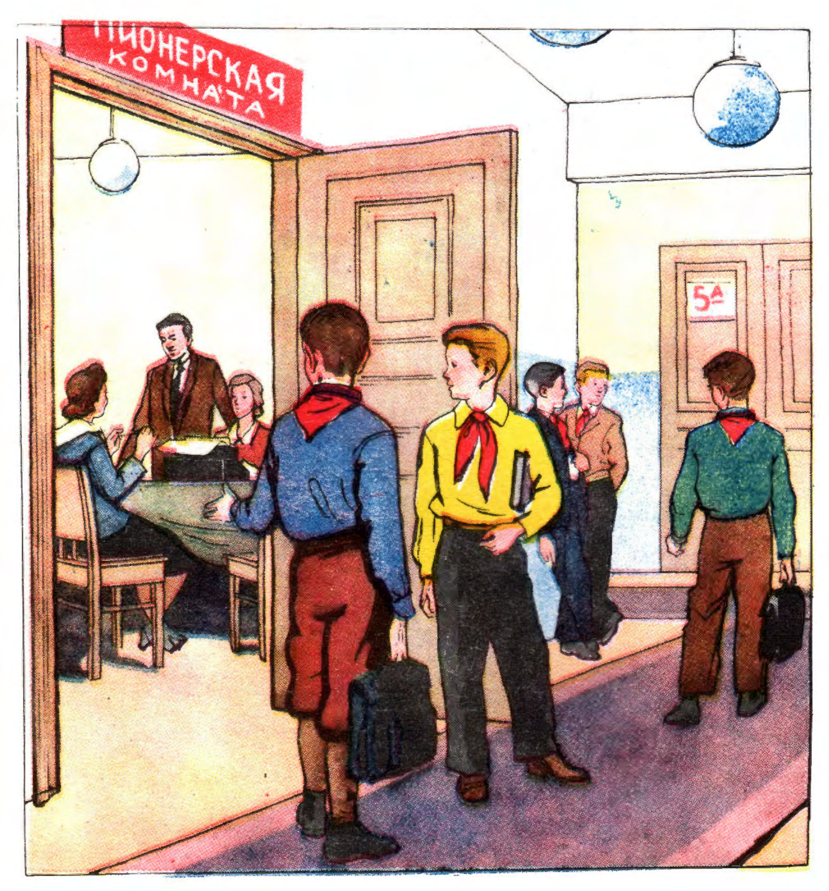
...Если верить легенде, ветхозаветный Адам был изгнан из рая за грубое нарушение райских правил внутреннего распорядка. Но не таков современный Адам, Адам Добагов! Как и его библейский праотец, он уже много лет злостно нарушает законы и всё же чувствует себя в Старой крепости, как в раю.

Е. ВЕСЕНИН

г. Нальчик, апрель.

В ШКОЛЕ

Рис. Е. ГОРОХОВА

— Из пионерского возраста они вышли, а из пионерской комнаты никак не выходят!

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

ГОЛУБЧИКИ

ОТКРЫТОЕ партийное собрание было в полном разгаре, когда человек в тёмных очках сказал со своего места не громко, не тихо, но так, что его услыхали все:

— Товарищ Захарова, мы видим вас насквозь. И что бы вы там ни говорили, а ВОС ваш и ныне там...

Захарова обернулась в сторону говорившего и усмехнулась. Но этой усмешки ни человек в тёмных очках, ни его товарищи, сидевшие рядом, увидать не могли по той печальной причине, что они лишены зрения.

А что означает только что упомянутый ВОС и чьё это собрание?

ВОС — это Всероссийское общество слепых. На собрании присутствуют члены этого общества: музыканты, артисты — бывшие фронтовики, потерявшие зрение инвалиды; кроме них в зале находятся их администраторы, заведующие, художественные руководители, просто руководители, инструкторы, режиссёры, режиссёры-ассистенты — всё люди вполне зрячие. И те и другие объединены в музыкальных коллективах ВОСа, задачей которого является трудоустройство слепых.

Прислушаемся к выступлениям и попытаемся разобраться, каково же это трудоустройство и кого оно устраивает в первую очередь.

Пространный отчёт о работе делает Т. Н. Захарова — директор и художественный руководитель объединения музыкальных коллективов. Та самая Захарова, которую человек в тёмных очках видит насквозь. Пока она бодро сообщает собравшимся о дебиторской задолженности, перевалившей за 150 тысяч, и о том, что денег на текущем счету — увы! — нету.

Попробуем и мы разглядеть насквозь этого неунывающего художественного руководителя и директора.

Художественный руководитель... Несомненно, тов. Захарова имеет специальное образование и большой опыт в тонком деле художественного руководства? Да, опыт у Захаровой есть, но... по торговой части. В прошлом она директор рынка, а затем — инспектор госторговли. Но, может быть, Захарова из области торговой перешагнула в область искусства после длительной и тщательной подготовки, не будучи в силах побороть призвание?

Нет! Переход совершился легко и быстро, в соответствии с приказом № 43 Мосгоротдела ВОСа и с личного благословения председателя президиума ВОСа тов. Иванова. Что же касается опыта, то он приходит во время работы,— в этом убедилась сама Захарова: однажды она указала музыкантам-ударникам, чтоб они «шибче выбивали трель на барабане». Её мягко поправили: не трель, а дробь. Так приобретался опыт.

А вот образец «барабанных трелей», выводимых художественным руководителем Захаровой на собрании:

— Много времени у нас тратится, товарищи, на трепотню нервов и на отбрёхивание по всякому поводу.

В деле «отбрёхивания» у Захаровой нет недостатка в помощниках. Требует слова администратор по фамилии Муравский-Хаскин.

— На меня было подано 25 заявлений и жалоб! — с важностью говорит он, обводя самодовольным взглядом сосредоточенные незрячие лица.— Не иначе, как здесь действует тайная грязная пружина! Но каждый раз при разборе заявлений...

— ...вам удавалось отвести руку правосудия? — раздаётся голос из зала.

— При чём тут рука, когда я говорю о пружине?..

Но высказаться насчёт пружин Муравскому-Хаскину не удаётся. Подымаются один за другим со своих мест слепые музыканты. Подымаются и задают вопросы:

— Почему?..

— Почему в Объединении музыкальных коллективов, которое должно заниматься трудоустройством людей, утративших зрение, львиную долю заработной платы поглощают зрячие артисты, приглашаемые лишь в помощь слепым?..

— Почему в так называемом массовом отделе (массовики и баянисты) на 7 человек слепых было... 102 зрячих исполнителя?..

— Почему певица Басс-Беленко и чтец Шаповалов за короткий срок напели и начитали по 11 тысяч рублей, тогда как слепые музыканты вырабатывали по 300—400 рублей в месяц?..

— Ах, пожалуйста, вырабатывайте столько же, сколько и я! — бойко восклицает певица Басс-Беленко.— Ведь тов. Захарова никого не сдерживает.

— Нет, уж позвольте высказаться до конца! Почему, кроме 4 штатных администраторов, в Объединении пробавляются ещё 10 внештатных, таких, как Муравский-Хаскин и Покалн? (Кстати, за последнего трудится его мамаша, завхоз Покалн Дина Максимовна.) Их административное рвение оплачивается по завышенным расценкам. Они заключают договоры на концерты, а в результате Объединение слепых терпит стотысячные убытки! Кто же в прибылях? Хаскины и покалны.

— А почему гражданка по фамилии Голубчик, имеющая среднее техническое образование и считающая себя химиком по специальности, назначена на должность режиссёра-ассистента? Что это за химическое соединение?..

Но за режиссёра-ассистента-химика Голубчик стеной встаёт директор Захарова. Уж кого-кого, а Голубчик она в обиду не даст! Она назначила химика Голубчик режиссёром, она знает, что делает!

— Обождите, тов. Захарова, не перебивайте. Ещё не все «почему» иссякли. Может быть, заведующий музыкальным отделом Бирюков — для вас тоже голубчик? А для нас он, извините, попросту трутень. Работает по часу, по два в день по совместительству, а получает полный оклад. И, как видно, музыка возбуждает у него аппетит. Ему и оклада мало: за репетиции, которые он проводит в рабочее время, он взимает особо...

— И, наконец, почему Захарова считает, что акт, составленный авторитетной комиссией осенью прошлого года, написан не про неё? А он как раз про неё писан. Про её отрыв от общественных организаций, про её бестактность и бездушие в отношении к слепым, про её самоуправство и самодурство и про то, как она объединила вокруг себя приятных ей голубчиков, открыв для них кормушку за государственный счёт.

И вот последний вопрос:

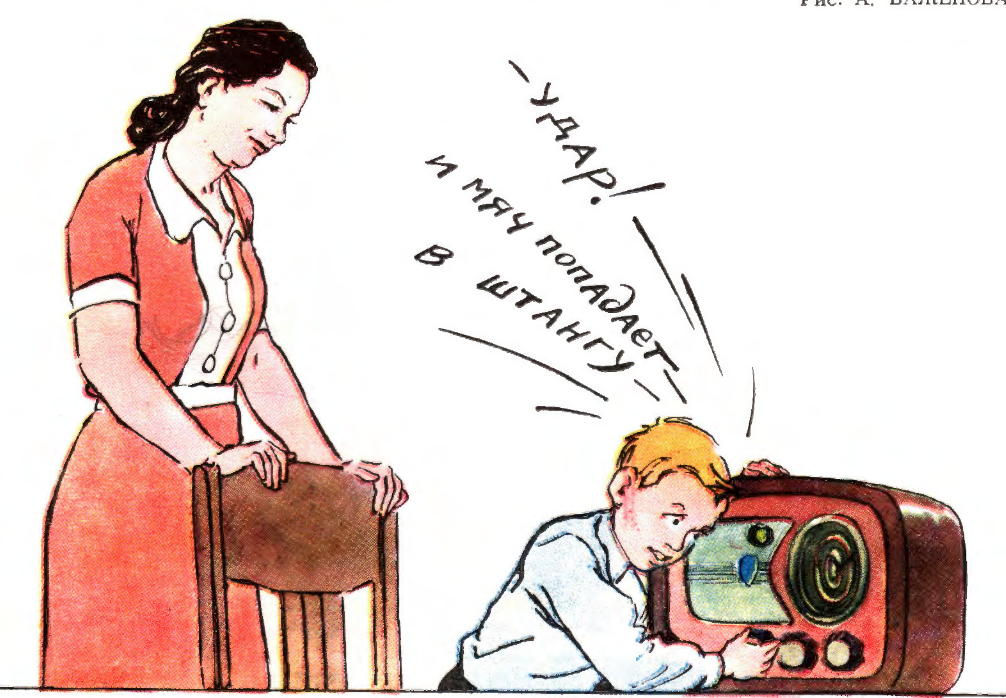
— Почему Захарова не хочет отвечать толково и честно перед открытым партийным собранием?

А потому, очевидно, что честного ответа у неё не получается, а получается, по её же собственному откровенному выражению, «отбрёхивание». А уж если сам руководитель, будь он художественный или не вполне художественный, признался, что он брехать горазд, то нечего ему, голубчику, ждать от людей уважения и доверия.

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

РОДИТЕЛЬСКАЯ ЗАВИСТЬ

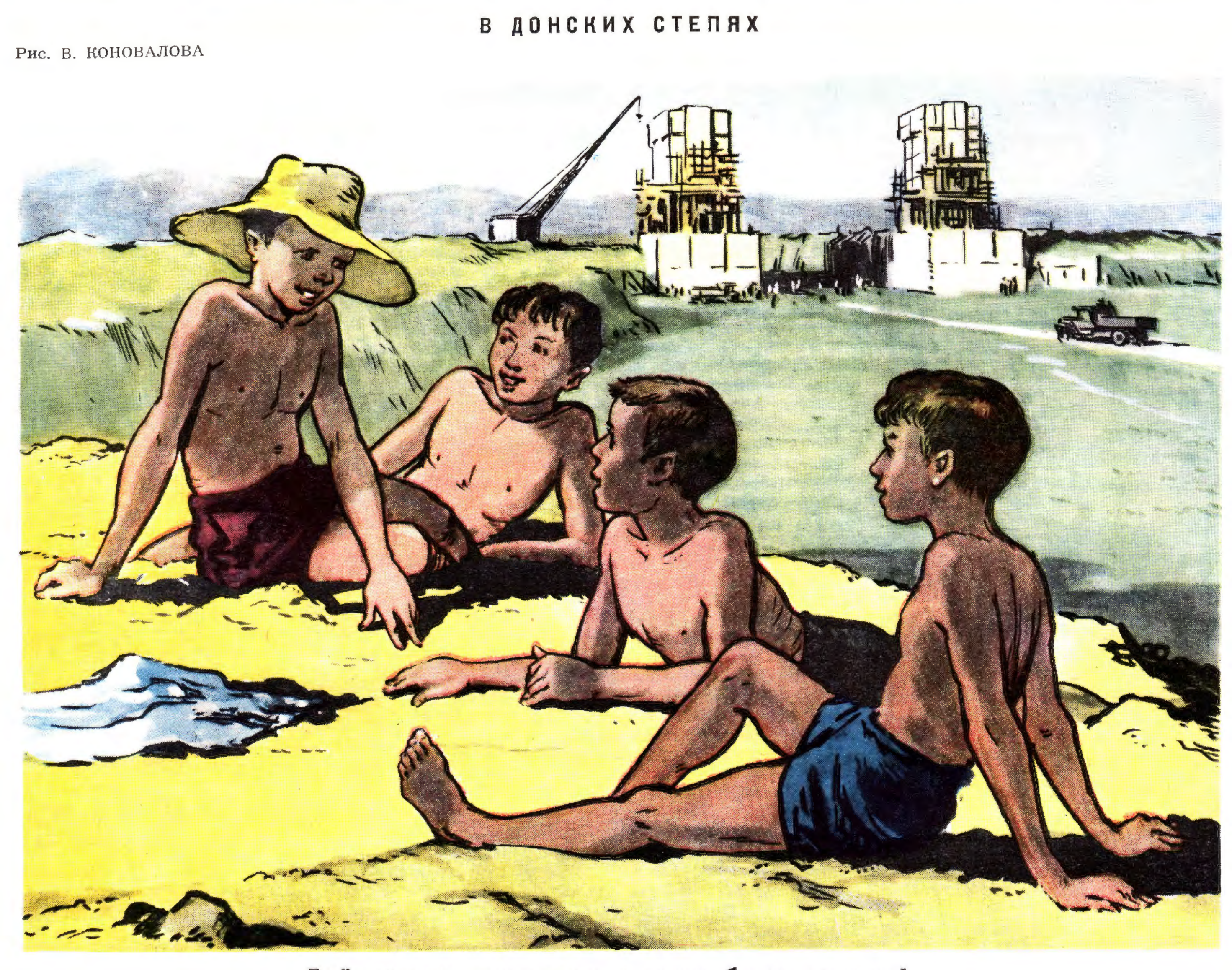
Рис. А. БАЖЕНОВА

— Если бы ты меня и папу так же слушал, как слушаешь Синявского!..

В ДОНСКИХ СТЕПЯХ

Рис. В. КОНОВАЛОВА

— Ещё немного подзагорим, а потом будем купаться!
— Где!
— Здесь же! Сюда скоро вода подойдёт!

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ

НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

ВООРУЖЕННЫМ ГЛАЗОМ

Удивительную близорукость проявила газета «Красноярский комсомолец». Проведя рейд по стадионам города Красноярска, газета в статье «И к нам пришла весна», между прочим, сообщает:

«Вот стадион «Локомотив». Футбольное поле, секторы, беговая дорожка залиты водой. Ремонт трибун... затягивается... Строительная контора «Дорстрой» должна была ещё в августе прошлого года закончить ремонт ограждения, но работы продолжаются до сих пор».

Поразительно! Откуда эти чёрные краски, которыми рисуется положение на стадионе? Рейд напечатан 11 апреля. А вот в Москве ещё 8 апреля газета «Советский спорт» статьёй П. Плотникова «Горячие дни на стадионе» известила своих читателей о прямо противоположном:

«Большие работы проводятся на стадионе «Локомотива». Здесь идёт замена верхнего грунта всех спортивных площадок. Заканчивается сооружение красивой ограды стадиона».

Как же всего этого не видели там, на самом стадионе, члены рейдовой бригады?.. Очевидно, им следовало бы вооружить свои глаза розовыми очками, с помощью которых редакция «Советского спорта» могла из Москвы увидеть то, чего не увидели они в Красноярске.

О ТУРАЧАХ И УТКАХ

Редактор дорожной газеты «Транспортный рабочий», Ташкентской железной дороги, Михаил Александрович Белоусов слывёт большим любителем загадок.

В самом деле, попробуйте перелистать страницы «Транспортного рабочего», и вам они сразу же откроют целый кладезь хитроумных загадок и ребусов, пущенных гулять по всем станциям и полустанкам с лёгкой руки Михаила Александровича Белоусова.

В номере газеты от 9 января 1952 года читателям была предложена такая хитроумная задача:

«В этом году Александр Михайлов (речь идёт об одном молодом токаре) дал пять годовых норм...»

Прошло всего лишь восемь дней нового года, а, по заверениям газеты, токарь Михайлов уже за эти дни успел выполнить пять годовых норм!

13 января газета порадовала читателя маленьким охотничьим рассказом:

«Сквозь предрассветную мглу вырисовываются несколько плавающих по воде серых пятен. Это турачи. Раздаётся выстрел — и вслед за ним от воды отрывается целая туча уток».

Турачи — редкая птица. До сих пор она в Узбекистане не встречалась. И каким образом турачи после выстрела охотника превратились в тучу обычных уток? Или, может быть, никаких турачей вообще и не было?

В кого же, в конце концов, стрелял охотник?

Иногда Михаил Александрович Белоусов преподносит железнодорожникам целые ребусы. 18 января читатели были озадачены такой неразрешимой головоломкой:

«Первые два предложения
намного облегчили трудо-
а приспособление для шли-
ёмкие работы ремонтников,
фовки паралеллей дало
возможность экономить...»

Всякий раз, получая «Транспортный рабочий», подписчики полагали, что это уже предел редакторской изобретательности.

Но Михаил Александрович неистощим на выдумки. Однажды он взял да и выпустил номер газеты без обычной подписи редактора.

Читатели сначала не на шутку перепугались: не случилось ли чего с Белоусовым?

Нет. Редактор был в полном здравии! Это была его очередная загадка. Каждый понимал её посвоему: одни полагали, что Михаил Александрович не поставил своей подписи из скромности, другие, наоборот, утверждали, что ему просто совестно было подписывать номер газеты, испещрённый загадками.

Леонид ЛЕНЧ

Иллюстрации Г. ВАЛЬКА

С точки зрения реализма

НА ДНЯХ иду по улице Горького пешёчком, обдумываю сюжет нового рассказа (на ходу думается хорошо, только не надо уж очень углубляться: можно наскочить на столб и заработать шишку на лбу, а то и упрёк в надуманности. Это уж от критика!), как вдруг над самым ухом:

— Сколько лет, сколько зим!..

Оглядываюсь, а это Иван Петрович Сливкин, старый знакомый.

— Иван Петрович! Здравствуйте, дорогой! Откуда? Какими судьбами?

— Проездом! Я уже давно иду за вами следом, думаю: вы или не вы?

Гляжу я на Ивана Петровича и замечаю, что он как-то поблёк, потух. Был не человек — орёл, а сейчас в голосе ласковое дребезжание, в глазах какая-то кислота.

— Иван Петрович, да здоровы ли вы, милейший?

— Здоров-то здоров, но... неприятности!..

— И крупные?

— В общем — нет... Хотя, пожалуй, да!.. В общем — устраиваюсь!..

— Как?! Разве вы?..

— Да, свободная птица... Фёдор Павлович-то загремел!.. А я оказался под обломками... Логика вещей!..

— Знаете что, Иван Петрович, давайте зайдём хотя бы в это кафе — посидим, и вы мне всё расскажете. Пошли?

...С Иваном Петровичем Сливкиным познакомился я в одном областном городе, куда приезжал по литературным делам. Он работал помощником у тамошнего начальства и слыл всемогущим человеком. Про него так и говорили: Сливкин всё может!

...Посидели, выпили кофе (от более мужественных напитков Иван Петрович категорически отказался: «Иду в один тут отдел кадров, дохнёшь — подумают: злоупотребляет!»), закурили, и я осторожно спросил:

— Как же всё это у вас стряслось, Иван Петрович?

Он ответил не сразу. Подумал, выпустил изо рта густой клуб дыма. Потом сказал задумчиво:

— Помните картину «Последний день Помпеи»? Вот и у нас примерно так же... Только там город рухнул, а у нас человек. Но какой?! Колосс! Махина!.. И главное, из-за пустяка!.. В общем-то, конечно, не из-за пустяка. Но сначала казалось, именно из-за пустяка.

Я попросил Ивана Петровича уточнить свою мысль.

— Он рухнул из-за любви к искусству! — сказал Сливкин и вздохнул.

— Всё было так у него хорошо, так звонко! — продолжал Сливкин свой рассказ. — И вот захотелось ему себя отметить... Пока там наверху соберутся!.. Вот он и решил, так сказать, проявить здоровую инициативу снизу. Встал вопрос: как отметить? Фёдор Павлович решил: отметить средствами искусства. Тогда встал новый вопрос: какого искусства? У нас в городе имеется всякое искусство, и на всякое отпущены соответствующие ассигнования. Можно было, например, привлечь местных наших драматургов, чтобы они написали про Фёдора Павловича пьесу на тему борьбы за городское благоустройство, и затем поставить её в областном театре. Однако, по зрелому размышлению, этот вид искусства был отвергнут.

— Это почему же так, Иван Петрович?

— Во-первых, долго пишут. Во-вторых, пропускают пьесы тоже долго. А в-третьих, очень уж часто они ошибаются — театры и драматурги. Не одно, так другое! То пошлятину подпустят, то с конфликтом у них заест, а то переделками доконают: на репетициях начнёшь свою сценическую жизнь положительным Фёдором Павловичем, а на сцену выскочишь отрицательной старухой Феодорой Петровной, 65 лет, с бородавкой на носу... Тогда стали размышлять о музыке. Но Фёдор Павлович и музыку категорически отверг. Он её не любил: у него слуха не было. Он, бывало, ходит по кабинету, напевает себе под нос «Летят перелётные птицы», а получается «Чижик, чижик, где ты был?»... Все мотивы на «Чижика» переводил... Остановились в конце концов на изобразительном... И, конечно, кому поручено было обеспечить?..

— Вам! «Сливкин всё может!» — вставил я, не удержавшись.

— Совершенно верно! — серьёзно сказал Иван Петрович. — Однако слушайте, как дальше-то обернулось!.. Позвонил я в местную художественную студию, вызвал людей, объяснил задачу... Трое отказались, двое выразили согласие получить авансы. С руководителем я провёл отдельную беседу, попросил бдительно проследить. А то ведь среди художников попадается, знаете ли, разный народ. Иной возьмёт аванс, и сразу же у него начинается творческая пауза, которая иногда длится годами. У него — пауза, а у распределителя кредитов — неприятности в Госконтроле.

Все картины были написаны точно в срок. И приёмочная комиссия дала им отличную оценку. Одним словом, полный порядок! Решено было устроить выставку с обсуждением. Я дал команду в отдел искусств, оповестили общественность — и грохнули!

Сначала всё шло просто замечательно. Паркет натёрт до блеска почти сверхъестественного, везде живые цветы. Приглашённые товарищи чинно гуляют по залам, рассматривают картины, гудят, как шмели: «Жу-жу-жу!» Фёдор Павлович тут же стоит под своим роскошным портретом в золочёной раме, щурится, извините, как сытый кот, от удовольствия... А напротив, на стене, висит картина, которую художник назвал «Большое событие»... Событие вот какое: год назад открывали мы в рабочем районе города новую баню (красивое такое здание, в мавританском стиле), и художник отобразил на полотне этот волнующий момент, поместив на первом плане представительную фигуру Фёдора Павловича. Рядом с этой картиной — другая, под названием «Зелёный шум», на тему озеленения нашего города: Фёдор Павлович собственноручно сажает какой-то там прутик. Чуть подальше — большое полотно «Выходной день». На полотне — наша речка, закат, берёзки, трава (места у нас изумительные, сами знаете), а на травке на бережку сидит Фёдор Павлович в белой рубашонке, удит окуней. Ну, и так далее, в том же духе.

Погуляла публика по залам, полюбовалась, погудела. Приглашаем на обсуждение.

Для затравки мы выпустили критика из отдела искусств. Держался молодцом, всё сказал, как надо. И про реализм упомянул и традиции передвижников не забыл, похвалил гамму красок и разнообразие тематики, а на десерт очень удачно ввернул словцо про заслуги Фёдора Павловича. Ему даже похлопали. Потом высказался руководитель студии. Тоже ничего, проскочило. Тут бы и закруглиться, прекратить прения, — нет, дёрнул меня бес за язык (я председательствовал) обратиться к публике: дескать, не желает ли кто-нибудь из товарищей посетителей высказаться?

Смотрю, тянет руку некто Ратников, депутат райсовета, токарь с завода «Восток». Как ему слова не дашь? Пришлось дать! Выходит он из публики. Поправил очки, усишками своими тараканьими пошевелил и... пошел резать скоростным методом!

Я, говорит, хоть и не критик, как первый оратор, но тоже хочу коснуться с точки зрения реализма. Начну с бани. Баня, говорит, очень красивая, художник её правильно нарисовал. Но видно, что сам он в баню не ходит (тут в публике смешок), а то он бы знал, что эта красивая баня в неделю только два дня работает, а пять дней стоит. Баня, говорит, была принята в эксплуатацию с большими недоделками, несмотря на наши сигналы самому Фёдору Павловичу, и теперь мы, жители рабочего района, не купаемся, а мучаемся. Так что, с точки зрения реализма, картину надо иначе нарисовать: люди пришли мыться, а на дверях картонка: «Сегодня баня не работает». И пускай, говорит, тут же среди народа стоит Фёдор Павлович с веником подмышкой и с огорчением на лице. А назвать эту картину можно так: «Небольшое, но малоприятное событие». (В публике — смех, аплодисменты, а токарь знай себе режет, и режет!) Теперь, говорит, коснусь, с точки зрения реализма, картины «Зелёный шум». Шуму, говорит, по поводу озеленения в нашем районе, действительно, было много, а вот ухода за деревьями маловато. Фёдор Павлович, говорит, тоже приезжал в наш район, поддал шуму, и даже этот карандаш свой сажал — тут художник не соврал, всё так и было, как нарисовано, — но что толку-то? Вы бы, говорит, Фёдор Павлович (а тот стоит туча-тучей, из глаз молнии — и всё в меня!), хоть бы ещё разок, без шума, просто, скромно, по-большевистски заехали в наш рабочий район, полюбопытствовали бы, что получилось из ваших посадок. Ведь из десяти саженцев только три зазеленели, а семь так и торчат карандашами... В заключение, говорит, скажу о картине «Выходной день». Эта картина хорошая. Спасибо товарищу художнику! Теперь мы будем знать, где можно хотя бы в выходной день найти Фёдора Павловича, чтобы поговорить с ним о наших нуждах и бедах. А то в обычные, говорит, дни попасть к нему на приём почти невозможно: Сливкин не пропускает! И — для пущего реализма — на меня пальцем! Короче говоря, полный скандал!.. За Ратниковым другие ораторы потянулись. Художники выступили... не взявшие авансов. Посыпались разные нехорошие слова: «подхалимство», «зажим самокритики». И так далее и тому подобное. Ну, сами понимаете! Попало в печать, на бюро горкома партии, и... пошла писать губерния! Фёдор Павлович рухнул, как подкошенный, за ним ещё кое-кто... Мне тоже крепенько влепили...

Я попытался ободрить и успокоить Ивана Петровича, но посудите сами, что я могу ему сказать?!

Разговор наш не клеился. Я расплатился, и мы вышли на улицу.

Молча дошли мы до угла. Иван Петрович остановился и сказал:

— Мне сюда, в переулок.

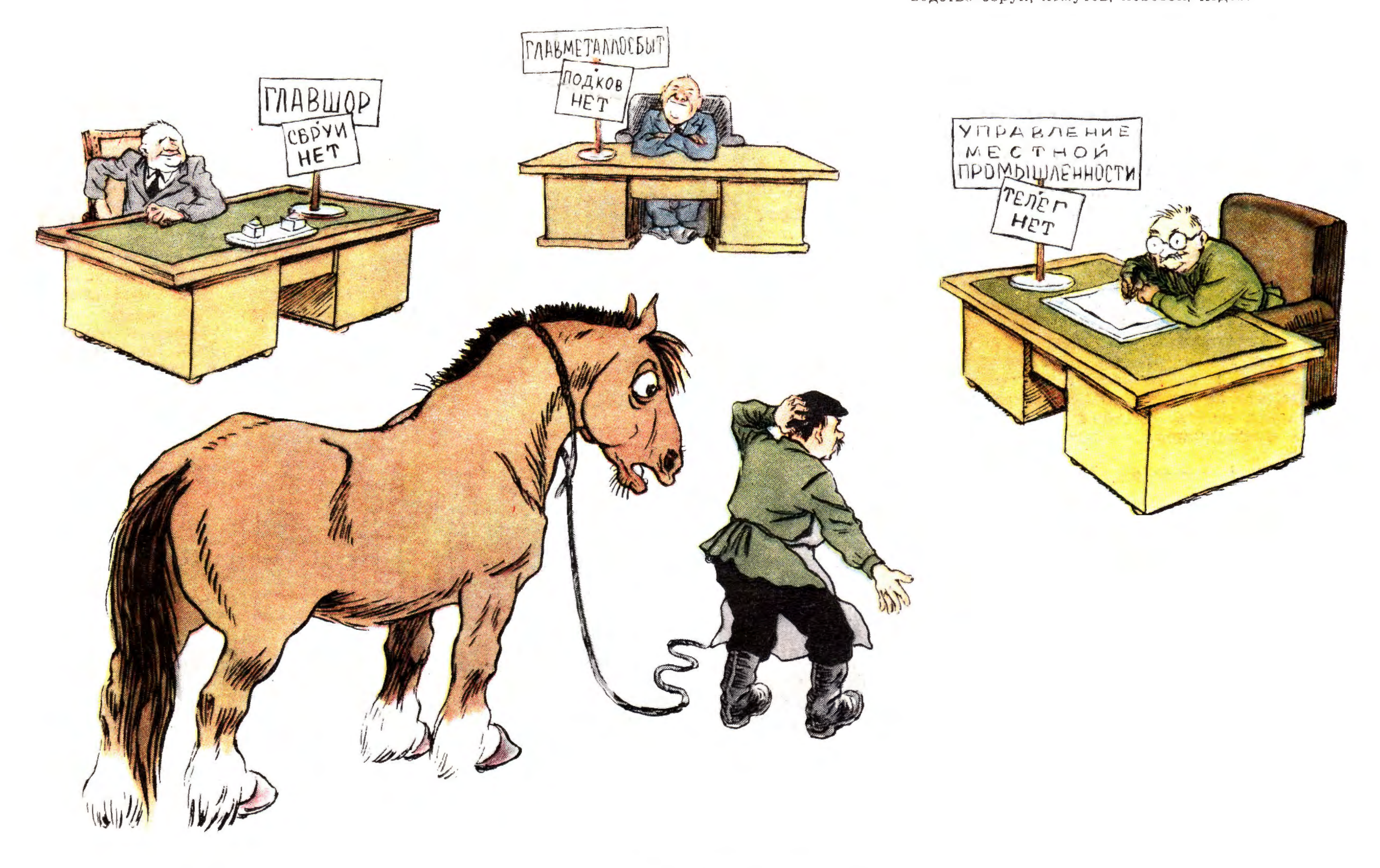
Мы попрощались. Сливкин задержал мою руку в своей и, заглянув мне в глаза, прибавил:

— Знаете, что я сейчас подумал?.. Надо нам было всё-таки обратиться к композиторам! Ведь попробуй разберись в стихии звуков: кого они возвеличивают и прославляют? Может быть, древнегреческого героя, его подвиги и сражения. А может быть, и ответственного административного работника и его заслуги в области городского благоустройства... Пожалуй, даже такие ехиды, как наш Ратников, не разберутся. Хотя, нет, разберутся... с точки зрения реализма... Ну-с, счастливо оставаться, пойду устраиваться.

И он пошёл вниз по переулку, опустив плечи и громко шаркая тяжёлыми галошами. Уже не орёл, но ещё и не чучело орла, а так... где-то посерединке.

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

Ряд отраслей промышленности срывает производство сбруи, хомутов, повозок, ходов.

— Товарищи, помогите запрячь коня!

Тот самый...

Авторитетная комиссия проверила квалификацию персонала цеха. При этом выяснилось, что только один человек не разбирается ни в технологии, ни в организации производства. Этим человеком был инженер Кондратьев.

И вот директор Дорогомиловского завода тов. Седин беседует с руководителем партийной организации тов. Баклановым:

— Производства Кондратьев не знает. И учиться не хочет. И вести себя не умеет. Отдаёт безграмотные распоряжения, а когда ему пытаются возражать, обзывает заслуженных кадровиков дураками.

— Да, нехорошо! Придётся, видимо, дать ему другую должность. Такую, чтобы он материально не пострадал...

Забота об этой стороне дела проявлялась неустанно. В персональном окладе пришлось, правда, Кондратьеву отказать. Но премия за перевыполнение плана выдавалась Кондратьеву неукоснительно. По этому поводу на заводе говорили:

— С ним лучше не связываться... Ведь это Кондратьев! Знаете, тот самый...

А какой, позвольте спросить, тот самый?

Оказывается, это тот самый инженер Кондратьев, который всегда и всюду утверждает, будто его «преследуют за правду». Тот самый, который размножает в неограниченном количестве всяческие заявления и поджидает руководящих работников у подъездов квартир. Он козыряет мнимыми военными заслугами и, спекулируя прирождённым физическим недостатком, выдаёт его за результат ранения на фронте.

Это тот самый Кондратьев, разбором бесчисленных жалоб которого занимались депутаты Верховного Совета, три министра, три заместителя министра... Ни разу его претензии не были признаны справедливыми, но ему всё-таки помогали. На тот же Дорогомиловский завод он был принят по личному указанию министра тов. Тихомирова. А когда поведение Кондратьева на заводе стало нетерпимым, для его увольнения понадобилась санкция министерства.

Недавно Кондратьев получил изрядную сумму «за долголетнюю и безупречную службу» в химической промышленности. Но какая же это, по совести говоря, служба! На Воскресенском химическом комбинате он прославился хищениями и подлогами. Из «Главсоды» его уволили за систематические нарушения трудовой дисциплины. В «Главхимреактиве» хорошо помнят, как он запустил доверенную ему работу...

Наконец, это тот именно Кондратьев, за которого хлопотала и до сих пор, против своей воли, хлопочет группа работников Березниковского завода.

Зная, что директор этого завода находится в Москве, наш герой сочинил себе самую лестную характеристику, подписал её директорской фамилией и, «выправив командировку», срочно отправился на казённый счёт в Березники. Там он нашёл не в меру наивных людей, которые согласились «поддержать директора». И на заявлении в защиту «полноценного, инициативного, энергичного» инженера Кондратьева появились их подлинные подписи.

Разобравшись в обмане, авторы письма заявили об отказе от своих подписей. Но у Кондратьева был дубликат заявления, и оно было направлено по новому адресу. Так, сами того не ведая, березниковцы продолжают хлопотать по делу, неправоту которого они давно уже осознали!

...Вы хотите знать, чем занимается Кондратьев сегодня? Главным образом всё новыми и новыми попытками доказать, будто его кто-то за что-то преследует. Он поджидает руководящих работников у подъездов и козыряет перед ними своими мнимыми заслугами...

С. ШЕВЕЛЕВ, Т. НЕКРАСОВ

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Слышал ли ты о бездомных домах? Ничего не слышал?! Однако есть такие. Говорим это вполне серьёзно потому, что нам совсем не до шуток. Как раз таким бесприютным и является наш грибановский районный Дом культуры. У него нет не только своего дома, но и вообще какого-нибудь постоянного пристанища. Правда, пять дней в месяц ему позволяют за определённую арендную плату проводить культурную работу в помещении кинотеатра. Но в остальные дни месяца он вместе со своими планами мероприятий находится между небом и землёй. Легче всех мирится с таким положением заведующий областным отделом культпросветработы тов. Ботов. Не торопится он приютить наш бездомный районный Дом культуры.

ДОВИДОВИЧ,
зав. районным отделом культпросветработы

с. Большая Грибановка, Воронежской области.

Товарищ Крокодил!

Пишу тебе, и рука дрожит. Очень уж не любит начальник строительно-монтажного управления № 14 треста Роспищестрой тов. Елизаров, когда на него жалуются.

Недавно рабочим Псковского линейно-строительного участка задержали заработную плату. Начальник участка тов. Меньшиков после неоднократных, но безуспешных попыток решить с тов. Елизаровым вопрос о выдаче заработной платы пожаловался в Министерство пищевой промышленности РСФСР. Рабочие, к общему удовольствию, немедленно получили всё, что им причиталось.

Недовольным остался только тов. Елизаров и тут же издал приказ № 24:

«Категорически запретить начальникам участков без предварительного согласования с руководством управления посылать письма и телеграммы в министерства и другие вышестоящие организации».

Посылаю тебе это письмо, дорогой Крокодил, без «предварительного согласования с руководством» строймонтажного управления. Что-то будет?!

И. ИВАНОВ,
председатель обкома профсоюза рабочих местной промышленности

г. Псков.

Уважаемый Крокодил!

Не поможешь ли ты работникам Главного коммерческого управления Министерства путей сообщения решить задачу с одним неизвестным.

В мае 1949 года со станции Свердловск на станцию Бреды был отправлен один генератор для строящейся в колхозе «III Интернационал» электростанции. Спрашивается, когда он прибудет к месту назначения, если расстояние между станциями и скорость движения поезда известны?

В этой задаче и решать нечего, скажешь ты. А вот железнодорожники уже третий год никак не могут её решить. Генератор так и не прибыл до сих пор в колхоз, и железнодорожники не в силах сказать, когда генератор прибудет, потому что не знают, где его искать.

Подскажи им, уважаемый Крокодил, способ решения. Ведь колхозная электростанция давно готова к пуску и ждёт только генератора.

Н. КУСЕМИСОВ

Орджоникидзевский район, Кустанайской области.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

20 марта в № 8 Крокодила и 24 марта в «Правде» был напечатан фельетон Е. Весенина «Будем знакомы».

8 мая расхититель социалистической собственности Тимофеев предстал перед судебной коллегией Верховного суда РСФСР. На основании ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Верховный суд приговорил Тимофеева к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 25 лет с конфискацией всего имущества.

В фельетоне также упоминались управляющий трестом «Росмонтажстрой» Литвинов, управляющий трестом «Химлесзаг» Бадьин, начальник строительного управления лесной промышленности в Костроме Хватов, заместитель управляющего трестом «Уралмясомолстрой» Виноградов, управляющий трестом «Роспивстрой» Соколов, управляющий трестом «Россельстрой» Поляков и управляющий трестом «Центрозаготстрой» Сасковец, которые проявили беспечность и ротозейство при приёме на работу явного проходимца и жулика. На них наложены строгие партийные и административные взыскания. Кроме того наказаны работники отделов кадров, непосредственно принявшие в своё время Тимофеева на работу без проверки.

В ДОМЕ ОТДЫХА

Рис. Л. ГЕНЧА

— **Родственники директора два месяца здесь живут без путёвок!**
— **Уже уезжают: директора сегодня сняли с работы!**

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 399. Подписано к печати 12/V 1952 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 01397. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1259. Тираж 300 000 экз.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

МЕЧТЫ АГРЕССОРА

28 апреля официально вступил в силу инспирированный Соединёнными Штатами сепаратный «мирный договор» с Японией. На основании этого незаконного договора американские империалисты, опираясь на японскую реакцию, мечтают превратить Японию в колонию и военную базу США.

— Для пребывания в Японии у нас есть теперь о с н о в а н и е.